

УДК 930(485)"19/20"

**КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И ОСМАНСКАЯ ТУРЦИЯ:
ИСТОРИОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ**

Д.А. Мустафина¹, И.А. Мустакимов²

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

²*Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу,
г. Казань, 420107, Россия*

Аннотация

В статье предпринята попытка осветить результаты осмысления современными отечественными учёными-историками взаимоотношений Крымского ханства с Османской империей в период правления Девлет-Гирея (1551–1577). Обращение к выяснению историографической ситуации в деле изучения военно-политических и дипломатических контактов этих государств обусловлено отсутствием специальных работ, посвящённых этой проблеме. Анализ существующих исследований позволил выявить сохранение в историографии интереса к вопросу о степени самостоятельности крымской политики от Османской Порты, зависимости и определённой предвзятости его понимания от характера источниковой основы и ограничения рамками конкретных территориально-политических систем. Авторами сделан вывод о необходимости привлечения к изучению проблемы не только известного науке круга источниковых материалов, но и остающихся в древлехранилищах документальных свидетельств, а также рассмотрения крымско-османских взаимосвязей как одного из элементов сложно переплетённых международных отношений во второй половине XVI в.

Ключевые слова: Османская Порта, Крымское ханство, историография крымско-османских отношений, политика крымских ханов, Девлет-Гирей

Изменение формы политического существования, произошедшее в 90-е годы XX столетия, сопровождалось пересмотром многих представлений и парадигмы исторической науки в России, обусловив обращение к проблемам, остававшимся в забвении, в частности, способствовало активизации научной мысли в изучении истории Улуса Джучи и его политических наследников. Однако специалисты осваивали их политическую историю лишь через призму взаимоотношений с Московским государством и Великим княжеством Литовским, тогда как межгосударственные связи в самом послеордынском мусульманском мире и контакты последнего с Османской Турцией затрагивались лишь опосредованно и специальному рассмотрению не подвергались. Данное обстоятельство делает правомерной постановку вопроса о состоянии разработанности истории взаимоотношений Крымского ханства с Османской империей. Целью настоящей

статьи является анализ результатов осмысления отечественными исследователями в 90-е годы XX – начале XXI в. характера контактов вышеуказанных государств в эпоху правления хана Девлет-Гирея I (I. Devlet Giray, 1512–1577).

Следует отметить, что к концу 70-х годов прошлого века в отечественной историографии межгосударственных контактов в Восточной Европе XV – XVII вв. получили развитие посылки и выводы, содержащиеся в сочинении В.Д. Смирнова [1]. Они стали основой для признания как полной зависимости Крымского ханства от Османского государства, представляемого слепым и послушным орудием султана, так и самостоятельности крымских ханов в проведении внешней политики в постордынском пространстве. К тому же признавалось, что в период правления хана Девлет-Гирея наблюдалось стечение обстоятельств, благоприятствовавших реализации внешнеполитических интересов ханства (подробнее см. [2]).

Характерно, что политическая смена общественно-государственного строя в нашей стране в 90-е годы не привела к перерывам в историографии обозначенной проблемы. Учёные-историки, несмотря на распад СССР и непростое время, продолжали заниматься исследованием связей Руси с порубежными государствами позднего средневековья. Так, А.Л. Хорошкевич затронуты крымско-османские отношения конца XV – начала XVI вв. (см. монографию «Русь и Крым: от союза к противостоянию» (ХРК), а также другие работы исследователя [3–6]). Крымское ханство представлено самостоятельным субъектом политических контактов в Восточной Европе. Его отношения с Московским государством, Великим княжеством Литовским и Польшей отнесено к типу конкурентно-зависимых без общей границы (ХРК, с. 314).

По мнению А.Л. Хорошкевич, усиление позиций Османской империи в Крымском ханстве произошло вследствие того, что унаследовавший великодержавные идеи Большой Орды Крым стремился овладеть Астраханью, но ей препятствовала в этом Ногайская Орда. Для того чтобы ликвидировать последнюю как политическую силу, крымский хан обратился к помощи Османской империи и Русского государства, так как собственными силами сделать это он был не в состоянии. Московское же княжество откликнуться на этот призыв не могло, так как ещё не было «готово к активному продвижению в низовья Волги» (ХРК, с. 316), к тому же государственные интересы княжества требовали ликвидации Казанского ханства. Противоречия между Крымом и Москвой углубились и разрешились «крымским смерчем» 1521 г. Астраханский поход 1569 г. исследователем квалифицирован как русско-турецкая война, которой Москва также была «обязана» политике Крыма¹.

Рассматривая проблему русско-крымских экономических связей, А.Л. Хорошкевич относит Османскую империю к числу факторов (наряду с Великим княжеством Литовским), влиявших на увеличение поминков, выплачиваемых Москвой Крыму (ХРК, с. 225–271) (об этом см. также в статье «Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений» [3]). С точки зрения исследователя, создавая опорные базы в Северном Причерноморье, необходимые

¹ На противоречия между выводами автора и приведённым им фактическим материалом обращает внимание Б.Р. Рахимзянов (подробнее см. [7, с. 24]).

в борьбе за Персию и Северный Кавказ, Османское государство использовало силы Крыма в собственных интересах (в борьбе с адыгами), а взамен султан проявлял заботу об «экономической мощи» Крыма. В целом же Хорошкевич исходит из представления об определённой самостоятельности Крымского ханства от Османской Порты.

Колоссальный труд по воссозданию исторической судьбы и особенностей взаимоотношений постордынских политических образований в XV – XVII вв. через призму истории Ногайской Орды проделал В.В. Трепавлов (ТИНО). Несмотря на тематическое ограничение, заявленное формулировкой названия монографии, исследователь на базе привлечённого к анализу широчайшего круга источников и литературы сумел представить всю палитру политических контактов Мангытского Юрта в постордынском пространстве, развивавшихся при незримом присутствии Османской империи, что является серьёзным подспорьем для уяснения особенностей характера отношений Крымского ханства с Османской империей. Кроме того, В.В. Трепавлов обратил внимание на нечёткость, неразработанность критериев подданства/протектората/вассалитета/союза, что объясняет не только существующий спектр суждений о самостоятельности Ногайской Орды, но и в целом различие представлений о характере и степени суверенности любого государственного организма, в том числе и Крымского ханства (см. также [8, 9]).

Одним из значимых явлений в отечественной историографии на рубеже XX – XXI вв., кроме того, стал выход в свет первого специального исследования, посвящённого истории Астраханского ханства (ЗАХ). И.В. Зайцевым аргументированно доказано, что данное государство сформировалось не ранее 1502 г., а не в 50–60-е гг. XV в., как принято считать. Исследователем определены территориальные границы, освещена ситуация в постордынском мире и обстоятельствах прихода к власти астраханских ханов, а также затронуты перипетии крымско-ногайских, крымско-астраханских, крымско-русских контактов, приведшие к присоединению Астрахани к Русскому государству, и отношение Османской империи к борьбе за политическое верховенство в Восточной Европе.

Концепция Зайцева основана на признании Астрахани политической наследницей разгромленной Большой Орды («не произошло ни смены династии, ни изменения внутреннего строя государства: старая столица Большой Орды становится столицей Астраханского ханства» (ЗАХ, с. 61)), на непреложности притязаний Крыма на овладение Астраханью и другими наследниками Улуса Джучи. При этом в центре внимания автора находятся взаимоотношения между наследниками Золотой Орды, задача же исследования развития их отношений с Османской империей предусмотрена не была. Тем не менее он определил позицию последней по вопросу политической борьбы, развернувшейся между наследниками Улуса Джучи.

Характеризуя контакты Московского государства с Крымом, в условиях активизации последнего, И.В. Зайцев указывает на изначальную невыполнимость требований, предъявляемых ими друг к другу (крымский хан рассчитывал на помощь московского великого князя, но тот всячески уклонялся от оказания содействия, его больше заботило вовлечение Крыма в противостояние

с Литвой). Астрахани же не удавалось занять какую-то твёрдую позицию в межлулусных отношениях².

Историк приводит свидетельства источников, отражающие заинтересованность как Крыма и поддерживавшего его османского султана, так и других государств Джучидов в привлечении Астрахани на свою сторону (ЗАХ, с. 148–150).

В определении значения взятия Казани учёный исходит из того, что стремление Москвы овладеть землями Улуса Джучи достигло своего апогея в середине XVI в. (Иван IV получил возможность разрешить сложившуюся в низовьях Волги ситуацию в свою пользу и утвердить власть в Астрахани). По мнению исследователя, завоевание двух татарских государств «вызвало крайне негативную реакцию в Крыму» (ЗАХ, с. 172), тогда как Османская империя осталась безучастной. Нейтралитет Порты позволил Москве выиграть спор с Крымом за политическое верховенство в постордынском пространстве и захватить весомую часть территории бывшего Улуса Джучи. Коснувшись попыток Крыма переломить ситуацию в свою пользу, И.В. Зайцев замечает, что хан Девлет-Гирей после Молодинской битвы ограничился претензией на Астрахань, примирившись с переходом Казани в руки Ивана IV, но надежда вернуть Казань и Астрахань была жива ещё и спустя 100 лет (ЗАХ, с. 172–175).

Учёный продолжает свои изыскания в книге «Между Москвой и Стамбулом» (ЗММС), причём концентрируется исключительно на связях постордынских татарских государств с Османской империей и Московским государством в конце XV – начале XVI в. Согласно заключению, к которому он приходит, в отечественной историографии продолжают сохраняться различные мнения о характере османско-московско-ордынских отношений, хотя и наблюдается «явный отход от предвзятой концепции» об агрессивном характере политики Османской империи в Восточной Европе (ЗМСС, с. 30). Что касается зарубежных историков, то они, с одной стороны, сходятся в неприятии агрессивности политики Османского государства по отношению к Московскому государству, в отрицании её непосредственного участия в делах постордынских государств, в признании заинтересованности Османской империи в безопасности навигации на Чёрном море (ЗММС, с. 33–38) и в поддержании «баланса сил в Восточной Европе», где проводником её политики было Крымское ханство» (ЗММС, с. 40); с другой – расходятся в оценке астраханского похода 1569 г. (ЗММС, с. 38–40).

Избрав очерковый принцип изложения результатов изучения политической истории в Восточной Европе в конце XIV – первой половине XVI в., И.В. Зайцев продолжил сложившиеся в отечественной историографии традиции осуществления исследования через освещение информационного потенциала уцелевших источников (дипломатической переписки ордынских ханов Улуг-Мухаммеда, Ахмеда и Махмуда, крымских ханов Менгли-Гирея, Нурдавлета, Мухаммед-Гирея и беклербека Эминаека, ногаев с султанами и т. д.). Взавшись за последовательное реконструирование османско-ордынских посольств во второй половине

² В 30–50-е годы XVI в. Астраханское ханство переживало сложный и нестабильный период своего существования, оказавшись в эпицентре политической борьбы, фокусе соперничества и внутренних конфликтов в Ногаях и Крыму. Оно меняло свои политические пристрастия под влиянием складывавшихся обстоятельств и неуклонно слабело вследствие военных конфликтов и разорения ногаями, крымцами, московскими казаками, а его дружеские отношения с Москвой и Стамбулом прекращаются.

70-х годов XV в., учёный отмечает признание Османской Портой изменений, произошедших в Улусе Джучи: «Во внешней политике Турции связи с единой некогда Ордой окончательно уступили место отношениям с самостоятельными государствами, образовавшимися в результате её распада: Крымским, Казанским, Астраханским ханствами, Ногайским объединением и Московским государством» (ЗММС, с. 93–94).

И.В. Зайцев не преувеличивает иерархическую зависимость Крыма от султанской Турции. Напротив, он придерживается точки зрения об относительной самостоятельности его внешней политики. Историк обращает внимание на то, что ещё до завоевания Кафы и установления протектората над Крымом татары принимали участие в турецких военных кампаниях в Молдавии, противоречия же между Крымом и Портой начинают проявляться в 1459 г., в их углублении определённую роль сыграли Большая Орда и Венеция. Причины того, что Османская империя занимает позицию стороннего наблюдателя и не реагирует на обращения большеордынского хана Ахмеда об оказании помощи, исследователь видит в нежелании менять устраивавшего османов Менгли-Гирея на Ахмедовичей. В этой связи логичным выглядит содействие султана реализации стремления Менгли-Гирея исключить возможность выезда Шейх-Ахмеда за пределы Великого княжества Литовского (задерживая оказавшегося в безвыходном положении ордынца оно использовало его как средство устрашения Крыма) (ЗММС, с. 82–90).

Согласно Зайцеву, Менгли-Гирей вёл суверенную политику. Сначала расправился с Большой Ордой (правда, при благожелательном отношении и помощи султана), затем начал «на правах наследника претендовать на главенство над русскими землями» (свидетельством чему служат ярлык Сигизмунду I на русские области, набег 1507 г., ультиматум 1514 г. и очередное вторжение), пытался овладеть Астраханью, подчинить Казань и т. д.

Касаясь идеи османско-татарского альянса против России и стран Европы, И.В. Зайцев указывает на её беспочвенность и необходимость разделения интересов Османской Порты и Крыма. По мнению исследователя, османы всегда поддерживали с Россией мирные отношения и были заинтересованы в развитии торговых контактов. О происходившем в постордынском мире судили в крымской интерпретации, то есть стороны, преследующей цель объединения осколков Орды под своим главенством, а крымский хан прибегал к авторитету султана для удержания Москвы от вмешательства в казанские дела. Зная о том, что русский царь опасался мощи Турции и «искала дружбы» с ней, крымский правитель стал проводить по дипломатическим каналам мысль о возможном её вступлении в конфликт сторон, и для большего эффекта придумал идею об установлении султанского протектората над Казанью (ЗММС, с. 123–128).

Внимательный анализ имеющихся в распоряжении автора источниковых материалов позволил обратить внимание на факты, свидетельствующие об умелом маневрировании и попытке Крыма манипулировать противостоянием Порты с польским королём Яном Ольбрахтом для решения собственных задач по овладению Киевом – склонить к походу на Краков³.

³ Речь идёт о территории, которая сегодня находится под юрисдикцией Украины. – Д.М., И.М.

Заслуживает упоминания также обращение И.В. Зайцева к восприятию народами друг друга. Справедливо отметив, что «исчерпать эту тему невозможно» (ЗММС, с. 196), учёный проанализировал отражение в источниках отношения русских к крымским татарам и отметил двойственность их позиции и оценки. Более того, он провёл сопоставление с восприятием татар османами. Имеющийся в распоряжении автора круг источников позволил ему прийти к заключению о пренебрежении и недоверии последних (ЗММС, с. 187–200).

Наконец, нужно отметить вклад в расширение источниковой базы проблематики. Впервые благодаря усилиям И.В. Зайцева в исторической науке исследован корпус крымских нарративных текстов XV – XX вв. и произведён их комплексный анализ (ЗКИ). Выводы учёного о влиянии на крымскую историографию двух традиций: золотоордынской и османской, а через их посредство классической арабской и персидской исторической науки; о роли османской историографии в привнесении на крымскую почву таких жанров, как газанама⁴, тарих/теварих⁵, вакаи-наме⁶, и прочего свидетельствуют о том, что отношения между Османской империей и Крымом сводились не только к политическому аспекту, а включали в себя широкий спектр различного характера прямых и опосредованных связей⁷.

Следует подчеркнуть и то, что в названной работе автор возвращает в повестку дня вопрос о наличии изначального документа, оформившего зависимость крымских ханов от османских падишахов. Действительно, это является одним из ключевых моментов для понимания развития крымско-османских отношений. Основываясь на нескольких документальных и нарративных источниках, И.В. Зайцев считает возможным дать утвердительный ответ (ЗКИ, с. 147–148, 153–157). Однако, по нашему мнению, остаются проблемы текстологического (*верна ли интерпретация использованных текстов?*) и методического (*что считать договором применительно к реалиям Османской империи во второй половине XV в.?*) характера, которые не позволяют присоединиться к данной точке зрения.

В своей статье, посвящённой рассмотрению статуса Крымского ханства, И.В. Зайцев подмечает: несмотря на произведение смены государей – ханов султанами, первые сохраняли право чеканки монет и упоминания в пятничной молитве (*хутба*), то есть атрибуты, присущие независимым правителям. Не ранее конца XVII в. перед именем хана в хутбе называется имя правящего султана, что автор связывает с возникновением и распространением именно в это время идеи османского халифата. Поэтому ответ на вопрос, был ли Крым вассалом Османской империи с 1475 г. до заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г., зависит от соответствующей позиции: с точки зрения османской и русской – да, а что касается Крымского ханства или мусульманской теории политической власти – нет (ЗСК, р. 25–27).

⁴ От араб. *gazāwa(t)* – священная борьба за торжество ислама. Иными словами, героическая сага, повествующая о военных походах и сражениях.

⁵ От араб. *tawāriḥ* (мн. ч. *tawāriḥi*) – дата, летопись, история (хроника).

⁶ От араб. *waqā'i* – события. Буквально: книга о том, что случилось (как правило, важных явлениях, происшедших в общественной жизни). Если сопоставить с древнерусской литературой, то можно условно назвать летописью.

⁷ Науке известно о безуспешных попытках казанской дипломатии заручиться помощью Девлет-Гирея и Ягеллонов в борьбе с Москвой.

Характерно, что объектом исследовательского интереса отечественных историков стали главным образом вопросы политических взаимоотношений в Восточной Европе в конце XV – первой половине XVI в., тогда как второй половине XVI столетия и последующему времени уделялось гораздо меньше внимания. Это затрагивает в том числе политическую историю Крыма: обаяние ханов Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея оказалось труднопреодолимым (см. [6; 10–15]). Сложившуюся в историографии ситуацию изменило появление работы А.В. Виноградова, посвящённой взаимоотношениям Русского государства и Крымского ханства в годы Ливонской войны (ВРКО). Этот труд отличает свойственное историкам рубежа XX – XXI вв. привлечение к анализу широкого комплекса источников: 1) материалов специального документирования (преимущественно разнородных посольских бумаг, составлявшихся в Московском государстве, Великом княжестве Литовском и Османской Порте), 2) нарративных памятников (русских летописей, турецких и татарских хроник, сочинений-записок иностранцев, посетивших Русское государство, Крымское ханство и Северный Кавказ), с одной стороны, и добротное знание степени изученности проблемы, точнее, разброса палитры мнений, идей, вызывавших дискуссии, сохраняющихся «болевых» точек – с другой. Эти черты выполненного Виноградовым исследования делают его одной из работ, облегчающих изыскания в области изучения внешнеполитических контактов Крыма с Османской империей в тот или иной отрезок времени.

Исходя из общепризнанного тезиса об определяющей роли завоевания Казани войсками Ивана IV в изменениях, произошедших в раскладке политических сил в Восточной Европе, А.В. Виноградов выяснил последствия этого события для Крыма и его контактов с Московским государством. Он усмотрел прямую связь между активизацией Русского государства на Средней Волге и сменой хана Сахиб-Гирея на Девлет-Гирея. Этот факт им расценён как проявление недовольства Порты положением дел в Восточной Европе и её стремление оказать противодействие продвижению Москвы в Нижнее Поволжье и на Северный Кавказ, чреватому ко всему прочему ещё и созданием благоприятных условий для Персии – соперника султана. В монографии детально рассмотрены причины долгого правления хана Девлет-Гирея, который являлся, по мнению учёного, центральной фигурой османской политики в этом регионе (ВРКО, с. 52, 62–69).

На фоне хитросплетений отношений главных участников политических событий в Восточной Европе: Московского государства, Крыма, Великого княжества Литовского и Польши – историк представляет цельную картину русско-крымских связей. Анализируя антирусскую политику Девлет-Гирея, А.В. Виноградов указывает на факторы, определявшие её характер, интенсивность и результативность. По мнению автора, провал идеи создания соответствующей коалиции и закрепление Москвы в Астрахани обусловили военную конфронтацию хана с Иваном Грозным, а необходимость борьбы с черкесскими князьями, проблемы с ногаями, союз Исмаила с Москвой, отсутствие поддержки со стороны Турции, утратившей после заключения мира с Персией интерес даже к Кавказу, привели к сокращению походов на русские земли. Длительный характер противоречий между Москвой и Бахчисараем не исключил попыток их разрешения дипломатическим путём, особенностью же этих контактов было негласное при-

знание ханов преемниками Золотой Орды. Со своей стороны Крым связывал решение внешнеполитических задач с возможной войной между Великим княжеством Литовским и Московским государством.

Освещая русско-литовские дипломатические вопросы, Виноградов касается политического сотрудничества Крыма, Литвы и Польши, определяет группу факторов (не только регулярность присылки «казны», но и интересы правящих группировок, противоречия между султаном и королём, борьба украинского казачества), приводивших к вражде между ними. Отметив посредническую роль Османской империи в разрешении разногласий с Крымом, учёный-историк приходит к выводу об обусловленности развития отношений между Россией и Крымом не только долговременным характером военной конфронтации, но и позицией Литвы, Польши и остальных политических организмов Восточной Европы. Наконец, показана роль Крыма в развитии русско-литовских контактов и в судьбе Московского и Литовского государств.

Если немного остановиться на вопросе о степени самостоятельности внешней политики Крыма, то А.В. Виноградов совершенно справедливо отметил «необходимость постоянного соотнесения её с внешнеполитическими интересами Порты» (ВРКО, с. 65), не отрицая при этом стремления хана Девлет-Гирея выстраивать взаимоотношения, благоприятные для собственного государства. Последние, с точки зрения историка, заключались «в нежелании ввязываться в крупномасштабные столкновения с соседями и в предпочтении осуществления попеременных набегов ограниченного характера и на Русское, и на Польское-Литовское государства при условии сохранения с ними дипломатических отношений. Подобная политика могла предоставить хану постоянный источник доходов, как в виде “поминок”, так и в качестве части военной добычи» (ВРКО, с. 66). Самостоятельность хана, по Виноградову, ограничивалась необходимостью «учёта мнения своей семьи, крымской аристократии и в определённом смысле мнения всего класса феодалов» (ВРКО, с. 67). Данное обстоятельство создавало условия для контроля со стороны Порты и возможности коррекции политики Крыма, вызывая усилия сопредельных государств повлиять на этот вектор. Борьбу соперничающих русской и польско-литовской дипломатий использовала та же Порта, добываясь нужной себе расстановки политических сил и нейтрализуя невыгодные для себя проявления инициативности во внешней политике Девлет-Гирея.

Заслугой А.В. Виноградова является осуществление периодизации истории перманентных русско-крымских отношений как в части военно-политической конфронтации, так и политического диалога. В их развитии он выделяет пять периодов, последний из которых (состоящий, по мнению историка, из четырёх этапов) остался за пределами рассматриваемого нами научно-исследовательского труда. Учёным обозначаются факторы, оказавшие влияние на их эволюцию, в том числе то, что обусловило вмешательство Крыма в ход Ливонской войны. Кроме того, показывается значение усилий Москвы (военно-оборонительного и дипломатического характера) по сдерживанию Крыма, благодаря чему «Крымское ханство так и не выступило на международной арене в годы Ливонской войны ни как важнейшее звено антимосковской коалиции, ни в качестве ударной силы Порты в деле восстановления “мусульманских юртов” Нижнего и Среднего Поволжья» (ВРКО, с. 297–298).

Итак, внимательное ознакомление с вышеуказанной монографией А.В. Виноградова позволяет прийти к выводу о том, что, развивая концепции В.Д. Смирнова и А.А. Новосельского, автор в конечном итоге постулирует тезис об определяющей роли Османской империи в выстраивании внешней политики Крыма и в существовании интересов Порты в Восточной Европе (см. также [16–19]).

Необходимо отметить, что оживление интереса к ранее замалчивавшимся проблемам, в особенности к вопросам истории Золотой Орды, постордынских государств, на рубеже XX – XXI вв. проявилось в заметном росте отечественных публикаций, будь то статьи или монографии. Как показала попытка их анализа, по существу, получили дальнейшее развитие устоявшиеся воззрения на историю политических взаимоотношений в Восточной Европе в рассматриваемый нами период (см. также СГА). Вместе с тем были предприняты небезуспешные усилия отойти от доминирующих суждений (ВИС, ВВЕ), о чём свидетельствует ряд рецензий [20, 21].

В последние годы увидели свет работы, которые способствуют комплексному представлению международных отношений в Восточной Европе XVI в. Заслуживает упоминания, в частности, статья А.И. Папкина, посвящённая осмыслению места порубежной Днепро-Донской лесостепи во взаимоотношениях России, Речи Посполитой и Крымского ханства (ПДД). Исследователем вскрыты причины заинтересованности указанных государств в овладении пространством порубежного Дикого Поля:

- для Руси это потребности земледельческого освоения для последующего размещения служилого контингента, организация обороны, противостояния Польше, владевшей частью земель этой области, и Литве. При этом освоение заокских районов и дальнейшее продвижение на юг рассматривались как возвращение на собственные земли, вынужденно покинутые вследствие монголо-татарского нашествия;
- для Польши и Литвы, объединившихся в 1569 г. с целью противодействия Москве в Речь Посполиту, это препятствование усилению Русского царства;
- для Крымского ханства, население которого вело преимущественно кочевой образ жизни, это надобность пастбищ для прокорма коней, так как на высоких участках степи в водоразделе между Днепром и Доном трава появлялась рано.

Автор статьи, помимо прочего, обращает внимание на критические хронологические точки, с которыми связаны изменения во взаимоотношениях государств: для Крыма это 1507 г., а для России и Великого княжества Литовского и Польши – 1521 г. (ПДД, с. 117, 120).

Акцент на смысловое наполнение терминов средневековых источников («Дикое поле», «Украина», «украинцы», «русские», «Малороссия» и «Малая Русь» «черкасы», «белорусцы») (ПДД, с. 107–113) и понятий, используемых в научной литературе («Большая граница», «фронтир», «граница») (ПДД, с. 115–117), неминуемо должен способствовать точности интерпретации памятников и единству методологических приёмов и подходов к изучению вопросов средневековой истории (см. также [22, с. 63, сн. 3; 23, с. 183; 24, с. 230, 277–298]).

Следует назвать и исследования, в которых рассматривается развитие русско-ногайских отношений (особенно действия русской дипломатии, направленные на исключение Казанского и Крымского ханств из политической борьбы

за золотоордынское наследие) (МКВ, МБиМД), так как без уяснения этих аспектов невозможно полноценное воссоздание крымско-османских отношений, определение роли и места Москвы в их эволюции.

Для представления общей историографической картины международного развития в Восточной Европе в позднее средневековье немаловажны, на наш взгляд, публикации, где 1) подвергается анализу отражение в русских летописях внешней политики Москвы и Бахчисарая после сокрушительного поражения крымцев в 1572 г. и до прихода к власти Бориса Годунова, 2) предпринимаются попытки осмыслить современное состояние изучения русско-крымских и русско-турецких связей, сформировавшихся в 1569–1572 гг. при значительной роли Крымского ханства, а также работы, освещающие конкретные эпизоды международных отношений в Восточной Европе (СО, СРК, АНБ) (см. также [25, 26]).

Интересны наблюдения В.В. Пенского, который обратился к изучению событий 1555 г. – похода И.В. Большого Шереметева и сражения при Судьбищах, ставшего, по мнению исследователя, закономерным продолжением русско-крымского конфликта и первым фактом активных действий русского войска за пределами своих владений – в Поле (ПСС). Автор опровергает установившееся в литературе мнение о цели московской рати, намеревавшейся лишь отогнать крымские табуны, и приходит к выводу о существовании плана крупномасштабной операции по разгрому главных сил войска Девлет-Гирея, тогда как хан своим походом хотел реабилитироваться за неоказание в 1552 г. помощи Казани, попытавшись отвлечь Ивана IV от Астрахани. Благодаря достигнутому численному перевесу победа осталась за Девлет-Гиреем, но он понёс, помимо существенного материального урона (люди, кони), моральное поражение, так как не смог реализовать намерения выйти к московским рубежам и углубиться в пределы русских земель.

Примечательным фактом отечественной историографии можно назвать выход посвящённой Немировскому конгрессу 1737 г. монографии С.Ф. Орешковой (ОНК). Освещая в первой главе своей работы вопрос о российско-османских отношениях, автор обращает внимание на синхронность и сходство в развитии Российской и Османской империй. Отмечая независимый характер эволюции двусторонних связей почти до конца XVII в. и безуспешность попыток европейских стран столкнуть их друг с другом, С.Ф. Орешкова освещает истоки, характер и формы ранней дипломатии Москвы и Стамбула, не упуская из виду аспекты, связанные с крымско-османскими отношениями. По мнению исследователя, в сложившихся на рубеже XV – XVI вв. условиях (враждебность Польши и Литвы, заинтересованных в выходе в Чёрное море, стремление Большой Орды к гегемонии) установление в 1475 г. вассальных отношений с Османской Портой было выгодным для Крыма. Благодаря османской поддержке и союзу с Москвой хан разгромил Большую Орду и укрепил свою обособленность, сохранив значительную независимость в делах внутренних и в ведении внешней политики, коль скоро такая суверенность предусматривалась традиционной для Османской империи практикой управления приграничными областями. В непосредственной близости от территории вассалов создавался опорный пункт, где под защитой гарнизона размещался назначаемый султаном наместник.

По Орешковой, внешнеполитические устремления османских правителей были направлены в первую очередь на Персию, арабский мир, Балканы и Цен-

тральную Европу. Северное направление их не интересовало и даже пугало, несмотря на наличие информации о Восточной Европе. Первые попытки установления контактов с Московским княжеством связаны с Кафой – резиденцией принцев Мехмеда, Ахмеда, Сулеймана I и исходной точкой интриг, приведших к власти Селима I. Что касается российско-османских территориальных конфликтов, первый из таковых относится к событиям, связанным с возникновением в Предкавказье, в устье р. Сунжи, казачьего городка (1567–1570 гг.), и, как отмечает историк, в его разрешении принял участие крымский хан. Полагая, что Северный Кавказ не требовал каких-либо усилий со стороны хана для организации обороны, С.Ф. Орешкова считает: интерес к нему проснулся лишь вследствие поиска нового водного пути к иранскому театру военных действий и привёл к столкновению с Россией в 1569 г. Если говорить о внешнеполитических интересах Московского княжества, то в XV, XVI и в первой половине XVII в. они были сосредоточены на западном и восточном направлениях, югу же нужна была лишь защита от крымских набегов, которые «не были попытками завоевания, присоединения территории. Это были набеги, походы за добычей и ясырем (пленными)» (ОНК, с. 23).

В своей ранее вышедшей статье о некоторых проблемах крымско-татарской государственности, С.Ф. Орешкова признаёт безусловный вассалитет Крымского ханства от Османской империи, начало которого относит к 1475 г. (ОНП, с. 290, 292). Вместе с тем она отмечает, что «формы вассальной зависимости ханства складывались постепенно» (ОНП, с. 290). Не будучи документально зафиксированы, тем не менее они признавались и соблюдались обеими сторонами. В частности, «на протяжении всего османского периода истории ханства сохранялась внутренняя самобытность татарского общества» (ОПК, с. 297), как и атрибуты собственной государственности. Опора на османов позволяла крымской племенной аристократии сохранять независимость от ханов. По мнению автора, из-за этого Крымское ханство так и не смогло стать обладателем полноценного суверенитета, «следствием этого для ханства было очень медленное становление собственной подлинно государственной структуры» (ОПК, с. 297), что роковым образом сказалось на его судьбе (ОПК, с. 309). Бесспорно, наблюдения и выводы С.Ф. Орешковой расширяют сложившиеся представления об эволюции русско-османских связей.

Подводя итоги, следует отметить, что в отечественной историографии до настоящего времени крымско-османские связи не становились предметом специального изучения. Поэтому мы представляем их характер и направленность, опираясь на отрывочные суждения, присутствующие в концепциях историков, исследовавших русско-крымские, русско-литовские, русско-польские, русско-османские отношения, обратившись к работам, воссоздающим историю эпохи (XVI в.), времени правления и личности царя Ивана Грозного, отдельные эпизоды крупных исторических событий и т. п. Наиболее обсуждаемыми в литературе вопросами, имеющими отношение к интересующему нас аспекту международных связей, являются: борьба за политическое верховенство в Восточной Европе и соби́рание земель Улуса Джучи в одних руках, степень заинтересованности Османской Порты в судьбе постордынских государств (Казанского и Астраханского), идея создания антимосковской коалиции, степень самостоятельности

политики крымского хана (Девлет-Гирея) от османского султана, теория о турецкой опасности и установлении протектората османов над Казанью, астраханский поход 1569 г., поход Девлет-Гирея 1571 г. на Москву, Молодинская битва 1572 г. и ряд других. При этом исследователи, обращавшиеся к историографическому состоянию перечисленных вопросов, отмечали существование широкой палитры взглядов, в том числе «живучесть» предвзятой схемы османско-московско-ордынских связей и односторонне традиционного взгляда на восточную политику Московского государства в XVI в.

В настоящее время точки зрения о развитии отношений Московского государства с тюрко-татарским миром и позиции, занимаемой Портой, продолжают тяготеть к двум полюсам. Согласно первой группе представлений решающую роль в постордынском мире играла Османская империя, вынашивавшая агрессивные планы в отношении Поволжья и стремившаяся к гегемонии в Восточной Европе. По второй – Османская Порта оставалась безучастной к тому, что происходило в Восточной Европе, интересуясь лишь торговыми контактами с Русским царством. Сторонники обоих концептуальных суждений признают Крым в качестве проводника турецкой политики, но при этом по-разному оценивают степень самостоятельности её действий. Причину подобной консервативности мы склонны видеть не в стремлении очернить одну из сторон, а в природе и особенностях источниковой основы, диктующих характер наблюдений и выводов, с одной стороны, и в отсутствии единства в понимании ключевых терминов (вслед за В.В. Трепавловым).

В рамках статьи не представляется возможным охватить все работы, в той или иной степени касающиеся (как правило, мимоходом) проблемы крымско-османских отношений. Между тем обращение к трудам отечественных историков убеждает в сложности международных связей в Восточной Европе в интересующий нас период. Показанные в настоящем историографическом обзоре хитросплетения в определённой степени отражают вызревание общеевропейской политической системы. Рассмотрение собственно крымско-османской проблематики требует комплексного подхода и привлечения максимально возможного и известного науке источникового корпуса на различных языках. Ограничение изучения взаимоотношений государств национальными рамками неизбежно ведёт к однобокости представлений и мало способствует постижению истины. Задача пространственно широкого исследования этого вопроса, как ни одна другая, требует дальнейшего выявления в древлехранилищах документальных свидетельств и введения их в исследовательский оборот.

Источники

- АНБ – *Андреев А.Р.* Неизвестное Бородино. Молодинская битва 1572 года: Сражение русского войска под началом князей Воротынского и Хворостинина с войском крымского хана Девлет-Гирея под Серпуховом: Документальная хроника XVI века. – М., 1997. – URL: https://molodifest.ru/images/doc/Neizvestnoj_borodino.pdf, свободный.
- ВВЕ1 – *Возгрин В.Е.* История крымских татар: Очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4 т. – СПб.: Нестор-История, 2013. – Т. 1. – 871 с.; Т. 2. – 932 с.; Т. 3. – 880 с.; Т. 4. – 620 с.
- ВИС – *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 447 с.

- ВРКО – *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века: в 2 ч. – М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2007. – Ч. 1. – 199 с.; Ч. 2. – 342 с.
- ЗАХ – *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. – М.: Вост. лит., 2004. – 303 с.
- ЗКИ – *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV – XIX веков: пути развития: Рукописи, тексты и источники. – М.: Вост. лит., 2009. – 304 с.
- ЗММС – *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.): Очерки. – М.: Рудомино, 2004. – 216 с.
- ЗСК – *Zaytsev I.* The Crimean Khanate between Empires: independence or submission // *Empires and Peninsulas. Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829 / Ed. by P. Mitev, M. Baramova, V. Racheva.* – Münster: Lit Verlag, 2010. – P. 25–28.
- МБиМД – *Моисеев М.В.* Большие игры московской дипломатии: проблема нейтрализации «крымской угрозы» в русско-ногайских отношениях в 30–60-е гг. XVI в. // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы.* – 2015. – № 4. – С. 5–19.
- МКВ – *Моисеев М.В.* «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половины XVI столетий // *Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. ст.* – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – Вып. 4. – С. 107–112.
- ОНК – *Орешкова С.Ф.* Немировский конгресс. От двусторонних осmano-российских отношений к Восточному вопросу. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. – 336 с.
- ОНИ – *Орешкова С.Ф.* Некоторые проблемы крымско-татарской государственности // *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты: в 2 т. – М.: Рубежи XXI, 2005. – Т. 2. – С. 283–310.
- ПДД – *Папков А.И.* Днепро-Донская лесостепь как этноконтактная зона: Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство // *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств.* – 2014. – Т. 1, № 1. – С. 106–126.
- ПСС – *Пенской В.В.* Сражение при Судьбищах 3–4 июля 1555 г. – эпизод русско-крымского противостояния // *Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология.* – 2009. – № 7. – С. 87–95.
- СГА – *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. – М.: Наука, 1987. – 270 с.
- СО – *Солодкин Я.Г.* Отражение перипетий военного противостояния и дипломатических контактов России и Крыма (1570-х – 1590-х гг.) в так называемом Московском летописце второй четверти XVII в. // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.* – 2015. – Вып. 7. – С. 230–236.
- СРК – *Солодкин Я.Г.* Русско-крымские отношения конца XVI – начала XVII веков в изображении нового летописца (к определению источников памятника) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.* – 2014. – Вып. 6. – С. 235–241.
- ТИНО – *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М.: Вост. лит., 2001. – 752 с.
- ХРК – *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.

Литература

1. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб.: Унив. тип. в Казани, 1887. – 772 с.
2. *Непомнящий А.А.* Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В.Д. Смирнов // *Золотоордынское обозр.* – 2015. – № 3. – С. 113–142.

3. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // *Отеч. история.* – 1999. – № 2. – С. 69–79.
4. *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. – М.: Древлехранилище, 2003. – 621 с.
5. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. – М.: Наука, 1980. – 293 с.
6. *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. – М.: Наука, 1982. – 184 с.
7. *Рахимзянов Б.Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV – XVI вв. – СПб.: Евразия, 2016. – 396 с.
8. *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. – М.: Квадрига, 2015. – 368 с. (Ист. исследования)
9. *Трепавлов В.В.* «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV – XVII вв. – М.: Квадрига, 2016. – 224 с.
10. *Сыроечковский В.Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // *Изв. Акад. наук СССР. Сер. 7.* – 1932. – № 3. – С. 193–237.
11. *Кузнецов А.Б.* Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI в. // *Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв.* – М.: Наука, 1979. – С. 62–70.
12. *Кузнецов А.Б.* Дипломатическая борьба России за безопасность своих южных границ (первая половина XVI в.). – Минск: Университетское, 1986. – 135 с.
13. *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. – М.: Наука, 1978. – 298 с.
14. *Флоря Б.Н.* Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // *Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв.* – М.: Наука, 1979. – С. 71–86.
15. *Кидырниязов Д.С.* Ногайцы во взаимоотношениях России с Османской империей и Крымом в 20-е гг. XVI в. // *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Тез. докл. VII Междунар. конф. (Ростов-на-Дону, 17–21 мая 1994 г.).* – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 1994. – С. 107–109.
16. *От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века / Под ред. И.С. Рыбачёнок.* – М.; СПб: Ин-т рос. ист. РАН; Центр гуманит. инициатив, 2015. – 440 с.
17. *Виноградов А.В.* Крымские ханы в XVI веке // *Рос. ист.* – 1999. – № 2. – С. 58–69.
18. *Виноградов А.В.* Посольство А.Ф. Нагого в Крым 1563–1573 гг. // *Российская дипломатия: история и современность: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию создания Посольского приказа.* – М.: Полит. энцикл., 2001. – С. 65–75.
19. *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // *Тюркологический сборник 2005: тюркские народы России и Великой степи.* – М.: Вост. лит., 2006. – С. 26–73.
20. *Герцен А.Г., Храпунов И.Н.* [Рец. на кн.: Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М.: Мысль, 1992. 447 с.] // *Рос. археология.* – 1994. – № 1. – С. 219–225.
21. *Борисенко В.Н.* [Рец. на кн.: Возгрин В.Е. История крымских татар: Очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырёх томах. СПб.: Нестор-История, 2013] // *Петерб. ист. журн.* – 2014. – № 1. – С. 258–261.
22. *Хорошкевич А.Л.* Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // *Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции: Тр. юбил. науч. конф. «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой» (Тула – Куликово поле, 12–14 окт. 2000 г.).* – Тула: Тул. полиграфист, 2001. – С. 63–78.

23. *Похлёбкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах: Справочник: в 2 вып. – М.: Междунар. отношения, 1992. – Вып. 1: Ведомства внешней политики и их руководители. – 286 с.
24. История внешней политики России. Конец XV – XVII век: (От свержения ордынского ига до Северной войны). – М.: Междунар. отношения, 1999. – 448 с.
25. *Шваб М.М.* Русско-крымские отношения 50-х гг. XVI в. в исследованиях советских историков // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2008. – Вып. 2. – С. 411–415.
26. *Шваб М.М.* Крымско-турецкая агрессия против России (1569–1572 гг.) в исследованиях советских историков // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 40–45.

Поступила в редакцию
22.04.17

Мустафина Дина Абдулбаровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *maktub29@yandex.ru*

Мустакимов Ильяс Альфредович, кандидат исторических наук, начальник отдела научного использования архивных документов и международных связей

Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу
ул. Ново-Песочная, д. 44, г. Казань, 420107, Россия
E-mail: *imus@rambler.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 6, pp. 1455–1471

**The Crimean Khanate and the Ottoman Empire:
The Historiography of Relations in the Modern Russian Science**

D.A. Mustafina^{a}, I.A. Mustakimov^{b**}*

^a*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

^b*State Committee for Archival Affairs of the Republic of Tatarstan, Kazan, 420107 Russia*

E-mail: * *maktub29@yandex.ru*, ** *imus@rambler.ru*

Received April 22, 2017

Abstract

This paper is devoted to the discussions held by Russian researchers about the relations of the Crimean Khanate with the Ottoman Empire in the second half of the 16th century. Military, political, and diplomatic contacts between these regions are of interest due to the absence of specialized works on this problem. Based on the available data, the conclusion has been made that the international relations in Eastern Europe during the studied period had a complex nature, which was mainly due to the development of the bases of the European political system. A great interest in the degree of independence of the Crimean policy towards the Ottoman Empire in Russian historiography is also worth mentioning. Obviously, the understanding of the problem depends on the selective approach which relies heavily on the character of the source base and on the limitations of the study by the specific territorial and political systems. Therefore, we can claim that Crimean-Ottoman affairs should be considered as an element of the most interwoven international relations in the second half of the 16th century. It is also very

important to use not only well-known source material during investigation, but also documentary evidence from the archives.

Keywords: Ottoman Empire, Crimean Khanate, historiography of Crimean-Ottoman relations, policy of Crimean khans, Devlet I Giray

References

1. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Ottomanskoi Partii do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire until the Early 18th Century]. St. Petersburg, Univ. Tip. Kazan., 1887. 772 p. (In Russian)
2. Nepomnyashchii A.A. Initial stage of the analysis of the Crimean Khanate sources: V.D. Smirnov. *Zolotoordynskoe Obozrenie*, 2015, no. 3, pp. 113–142. (In Russian)
3. Khoroshkevich A.L. Rus and Crimea after the end of the Tatar-Mongol yoke: Dynamics of tributary relations. *Otechestvennaya Istoriya*, 1999, no. 2, pp. 69–79. (In Russian)
4. Khoroshkevich A.L. *Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii serediny XVI veka* [Russia in the System of International Relations during the Middle of the 16th Century]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2003. 621 p. (In Russian)
5. Khoroshkevich A.L. *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV – nachala XVI v.* [Russian State in the System of International Relations during the Late 15th – Early 16th Centuries]. Moscow, Nauka, 1980. 293 p. (In Russian)
6. Zimin A.A., Khoroshkevich A.L. *Rossiia vremeni Ivana Groznogo* [Russia in Ivan the Terrible's Times]. Moscow, Nauka, 1982. 184 p. (In Russian)
7. Rakhimzyanov B.R. *Moskva i tatarskii mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epokhu peremen, XV – XVI vv.* [Moscow and Tatar World: Collaboration and Confrontation in the Age of Change, 15th – 16th Centuries]. St. Petersburg, Evraziya, 2016. 396 p. (In Russian)
8. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatory* [Steppe Empires of Eurasia: Mongols and Tatars]. Moscow, Kvadriga, 2015. 368 p. (In Russian)
9. Trepavlov V.V. *“Orda samovol'naya” kochevaya imperiya nogaev XV – XVII vv.* [The “Willful Horde”: Normadic Empire of the Nogais in the 15th – 17th Centuries]. Moscow, Kvadriga, 2016. 224 p. (In Russian)
10. Syroechkovskii V.E. Ways and conditions for the relations of Moscow with the Crimea at the turn of the 16th century. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR, Seriya 7*, 1932, no. 3, pp. 193–237. (In Russian)
11. Kuznetsov A.B. Russia and the policy of the Crimea in Eastern Europe during the first third of the 16th century. In: *Rossiia, Pol'sha i Prichernomor'e v XV – XVIII vv.* [Russia, Poland, and Eastern Europe in the 15th – 18th Centuries]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 62–70. (In Russian)
12. Kuznetsov A.B. *Diplomaticheskaya bor'ba Rossii za bezopasnost' svoikh yuzhnykh granits (perвая polovina XVI v.)* [Diplomatic Struggle of Russia for the Safety of Its Southern Boundaries (First half of the 16th Century)]. Minsk, Universitetskoe, 1986. 135 p. (In Russian)
13. Florya B.N. *Russko-pol'skie otnosheniya i politicheskoe razvitie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polvine XVI – nachale XVII v.* [Russian-Polish Relations and Political Development of Eastern Europe in the First Half of the 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, Nauka, 1978. 298 p. (In Russian)
14. Florya B.N. Anti-Turkish coalition project in the middle of the 16th century. In: *Rossiia, Pol'sha i Prichernomor'e v XV – XVIII vv.* [Russia, Poland, and Eastern Europe in the 15th – 18th Centuries]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 71–86. (In Russian)
15. Kidymiyazov D.S. The Nogais in the affairs of Russia with the Ottoman Empire and Crimea during the 1520s. *Mezhdunarodnye otnosheniya v basseine Chernogo morya v drevnosti i srednie veka: Tez. dokl. VII Mezhdunar. konf. (Rostov-na-Donu, 17–21 maya 1994 g.)* [Foreign Affairs in the Basin of the Black Sea during the Ancient Times and Middle Ages: Proc. VII Int. Conf. (Rostov-on-Don, May 17–21, 1994)]. Rostov-on-Don, Izd. Rostov. Gos. Pedagog. Univ., 1994, pp. 107–109. (In Russian)
16. *Ot tsarstva k imperii. Rossiia v sistemakh mezhdunarodnykh otnoshenii. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka* [From Tsardom to Empire, Russia and Systems of Foreign Affairs. Second Half of 16th – Early 20th Centuries]. Rybachenok I.S. (Ed.). Moscow, St. Petersburg, Inst. Ross. Histor. RAN, Tsetr Gumanit. Initsiativ, 2015. 440 p. (In Russian)

17. Vinogradov A.V. Crimean khans in 16th century. *Rossiiskaya Istoriya*, 1999, no. 2, pp. 58–69. (In Russian)
18. Vinogradov A.V. A.F. Nagoi's embassy in the Crimea in 1563–1573. *Rossiiskaya diplomatiya: istoriya i sovremennost'*: *Materialy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 450-letiyu sozdaniya Posol'skogo prikaza* [Russian Diplomacy and Modern Times: Proc. Sci.-Pract. Conf. Dedicated to the 450th Anniversary of the Creation of the Diplomatic Chancellery]. Moscow, Polit. Entsycl., 2001, pp. 65–75. (In Russian)
19. Vinogradov A.V. Sulesha family in the foreign policy of the Crimean Khanate in the second half of the 16th century. In: *Tyurkologicheskii sbornik 2005: tyurkskie narody Rossii i Velikoi stepi* [Turkological Collection of Papers 2005: Turkic People of Russia and Great Steppe]. Moscow, Vost. Lit., 2006, pp. 26–73. (In Russian)
20. Gertsen A.G., Khrapunov I.N. [Book Review: Vozgrin V.E. Historical Fates of Crimean Tatars. Moscow, Mysl', 1992. 447 p.]. *Rossiiskaya Arkheologiya*, 1994, no. 1, pp. 219–225. (In Russian)
21. Borisenko V.N. [Book Review: Vozgrin V.E. History of Crimean Tatars: Essays on Ethnic History of Crimean Natives in Four Volumes. St. Petersburg, Nestor-Ist., 2013]. *Peterburgskii Istoricheskii Zhurnal*, 2014, no. 1, pp. 258–261. (In Russian)
22. Khoroshkevich A.L. Battle of Kulikovo and national identity development of Russians, Ukrainians, and Belarusians. *Dmitrii Donskoi i epokha vrozhdeniya Rusi: Sobytiya, pamyatniki, traditsii: Tr. yubil. nauch. konf. "Dmitrii Donskoi – gosudarstvennyi deyatel', polkovodets, svyatoi" (Tula – Kulikovo pole, 12–14 okt. 2000 g.)* [Dmitry Donskoy and Russian Renaissance: Events, Monuments, Traditions. Proc. Jubilee Sci. Conf. "Dmitry Donskoy – Public Leader, Commander, and Saint" (Tula – Kulikovo Field, Oct. 12–14, 2000)]. Tula, Tul. Poligrafist, 2001, pp. 63–78. (In Russian)
23. Pokhlebkin V.V. *Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh i faktakh: Spravochnik* [Foreign Policy of Rus, Russia, and Soviet Union over 1000 Years in Names, Dates, and Facts]. Vol. 1: Foreign-Policy Establishments and Their Heads. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya, 1992. 286 p. (In Russian)
24. *Istoriya vneshnei politiki Rossii. Konets XV – XVII vek: (Ot sverzheniya ordynskogo iga do Severnoi voiny)* [History of Russian Foreign Policy. Late 15th – 17th Centuries: from the End of Tatar-Mongol Yoke to the Great Northern War]. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya, 1999. 448 p. (In Russian)
25. Shvab M.M. Russian-Crimean relations during the 1550s in the studies of Soviet historians. *Vestnik Tyumenskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2008, no. 2, pp. 411–415. (In Russian)
26. Shvab M.M. Crimean-Turkish aggression against Russia (1569–1572) in the studies of Soviet historians. *Vestnik Tyumenskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2009, no. 1, pp. 40–45. (In Russian)

Для цитирования: Мустафина Д.А., Мустакимов И.А. Крымское ханство и Османская Турция: историография взаимоотношений в современной отечественной науке // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 6. – С. 1455–1471.

For citation: Mustafina D.A., Mustakimov I.A. The Crimean Khanate and the Ottoman Empire: The historiography of relations in the modern Russian science. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 6, pp. 1455–1471. (In Russian)